СКАЗКА

О ВОРѢ И БУРОЙ КОРОВѢ.

Гни сказку готовую, что дугу черемховую! Пей–ка копѣйка, пятакъ постой–ка, будетъ и на твою долю попойка! Гужи сыромятные, тяжи моржовые, шлея наборная, кобыла задорная — пойдетъ рысить черезъ пни, черезъ кочки, только держись супонь да мочки! Эхъ вы, любки, голубки, хвосты песты, головы ступки, что ноги ходки, хвосты долги, уши коротки, аль вы забыли, какъ прежде любили? Эхъ, съ горки на горку, дастъ баринъ на водку — дастъ–ли, не дастъ–ли, а дома будемъ, дома будемъ, гостей не забудемъ! Эхъ, маленькіе, разудаленькіе, ударю! Гни сказку готовую, что дугу черемховую!

Погоди, Демьянъ, либо ты съ похмѣлья, либо я пьянъ; а эдакъ гнать, добру не бывать: держи ты тройку на возжахъ, правь

толкомъ; да сказку сказывай тихомолкомъ; а то съ тобой чтобъ бѣды не нажить, чтобы сказкой твоей кого не зацѣпить; ты сказкой о ворѣ и бурой коровѣ кому–нибудь напорешь и глазъ, не только брови! А ты кричи: поди, поди, берегися! Ѣдетъ сказка тройкой, сторонися! Сказка моя въ добраго парня не мѣтитъ, а ледащаго не жаль, хоть и зацѣпитъ!

Жилъ–былъ подъ Нижнимъ подъ городомъ мужикъ; а съ нимъ и баба, а съ нею и дѣти — семеро никакъ — шестеро постарше, а одинъ помоложе всѣхъ. Поколѣ мужикъ тотъ былъ въ порѣ, такъ за всякую работу брался; я, говаривалъ онъ, слава Богу, человѣкъ крещеный, такъ у меня руки отъ работы не отвалятся; а какъ состарѣлся, такъ уже и не подъ силу стало; коли лапотки сплететъ, лучины подъ свѣтецъ надеретъ, такъ и на томъ спасибо. Было время, что онъ дѣтей кормилъ, а нынѣ, дѣти его и кормятъ и поятъ; круговая порука! Старикъ дѣтей своихъ шестерыхъ наставилъ и научилъ добру, и вышли они парни работящіе — а на седьмомъ, на

Ванькѣ, оборвалось; не впрокъ пошло отцовское ученье; отбился, отшатнулся, и пошелъ своимъ проселкомъ, не доймешь его ни калиной, ни хворостиной! У него, чуть гдѣ плохо лежитъ, то и брюхо болитъ; что ни взглянетъ, то и стянетъ! А самъ увалень, лежебокъ такой, что опричь развѣ за поживой, не шелохнется ни рукой, ни ногой. Какъ бывало въ воскресный денекъ, утромъ раннимъ ранешенько, поколѣ народъ у заутрени, съ легкой руки, протянетъ пятерню, да сволочитъ у сосѣда кушакъ, либо ножъ, либо, буде рука не дрогнетъ, колесо съ телѣги, такъ и пошелъ на всю недѣлю, отколѣ что берется! Ванька съ малыхъ лѣтъ пріучалъ себя къ этому ремеслу — безъ выучки нѣтъ и мастера, а безъ умѣнья и пальца не согнешь. Онъ хлѣба еще не умѣлъ спросить у матери, а самъ уже тихомолкомъ руками за ломоть хватался. Бывало мать поставитъ удой молока на семерыхъ, да ребятишекъ обсажаетъ на полу вокругъ, а онъ одинъ, въ двѣ руки, да въ двѣ ложки уписываетъ — не одной ложки мимо рыла не пронесетъ;

бывало отецъ привезетъ изъ Нижняго на всѣхъ ребятишекъ по маковнику, а онъ сестрамъ и братьямъ пескомъ глаза запорошитъ, да и поѣстъ все одинъ. Бывало положитъ самъ свои рукавицы на полати, заползетъ съ печи, да и приноравливается, какъ–бы поладнѣе ихъ стащить, чтобы и самому не увидать; бывало самъ у себя портишки унесетъ да и схоронитъ, и ходитъ какъ мать на свѣтъ родила. А когда только сталъ онъ своимъ языкомъ лепетать, слова выговаривать, такъ первое слово сказалъ для почину, поговорку: лупи яичко, не сказывай, а облупишь, не показывай; первую пѣсню запѣлъ про Русскаго про Картуша, Ваньку Каина, первую сказку сказалъ про Стеньку Разина. Эй, быть бычку на веревочкѣ! говаривали ему добрые люди; нашъ Ванька не слушаетъ и ухомъ не ведетъ. Сталъ ему старшій братъ говорить: — Ванька, коли ты у меня еще что украдешь, такъ ткну я тебя въ рыло ногой, будешь ты семь недѣль безъ одной, летѣть торчмя головой! Ванька себѣ на умѣ. Поется старая пѣсня: не бывать плѣшивому

кудрявымъ, не отростить дерева суховерхаго, не откормить коня сухопараго, не отвадить вора отъ куска краденнаго — и Ванька все проказитъ по–прежнему. Тогда уже сказалъ ему отецъ: — Послушай, Ванька, ты теперь не малъ и не глупъ; скажу я тебѣ притчу: у моего у сударя у батюшки, а у твоего у дѣдушки, была собачища старая, насилу она по подстолью таскалася — и костью краденою та собака подавилася; взялъ дѣдъ твой ее за хвостъ, да и подъ гору махнулъ — и была она такова! Будетъ тоже и тебѣ отъ меня! Ступай ты лучше, до грѣха, съ моего съ честнаго двора; вотъ тебѣ образъ, а вотъ тебѣ двери; дай Богъ свидѣться намъ на томъ свѣтѣ, а на этомъ не хочу я тебя и знать, не хочу я хлѣба–соли съ тобой водить; не хочу съ тобою въ баню ходить; гдѣ со мной столкнешься, ты мнѣ не кланяйся, шапки передо мной не ломай, я тебя не знаю, и ты меня не знай, я тебя не замаю, ты меня не замай!

Гни сказку готовую, что дугу черемховую! Эхъ, по всѣмъ, по тремъ,

коренной не тронь, а кромѣ коренной и нѣтъ ни одной! Кто везетъ, того и погоняютъ, у меня коренная за всѣхъ отвѣчаетъ; мой рысакъ подъ дугою рыситъ — не частитъ, пристяжныя выносятъ, жару просятъ... Ой, жару, жару, нагоню я на свою пару — ударю, ударю!... Гни сказку готовую, что дугу черемховую!

Эй, Демьянъ, не нажить бы бѣды, ты знай гонишь, что въ масляну по блины — нынѣ Русской ѣзды баричъ не любитъ, а всякъ дома въ тихомолку трубитъ; по своей ѣздѣ ты ищи простора, чтобы не зацѣпить, невзначай, кромѣ Ваньки и другаго вора!

Ванька ухватилъ шапку, рукавицы, зацѣпилъ мимоходомъ за лишній утиральникъ узорчатый, что висѣлъ на стѣнѣ, подлѣ осколыша зеркала, сманилъ со двора отцовскую собаку, да и пошелъ. Въ эту пору шла на ихъ село конница на пѣгихъ коняхъ — трубачи, обступивши лотокъ, торговали у бабы сайки; одинъ, видно не сошелся въ цѣнѣ, такъ заговоривши тетку, нагнулся съ коня, протянулъ пять рублевъ костяныхъ, да и

стянулъ валенецъ. У всякаго свой обычай: казакъ на всемъ скаку съ земли хватаетъ, а драгунъ съ лотка. Прямой музыкантъ, подумалъ Ванька про себя, поглядѣвъ на трубача, что только завидитъ глазами, то и беретъ пальцами да руками! Чуть ли этотъ не придется мнѣ родня — и я на костяной раздвижной трубкѣ мастеръ играть!

— Что ты, продувной парнишка, ротъ разинулъ, глядишь, нечто не видалъ еще, какъ пять свахъ натощакъ засылаютъ по невѣсту голодному жениху! Ты, видно, не женатъ еще! — Холостъ, отвѣчалъ Ванька. — Такъ ты по нашему, продолжалъ трубачъ, чтобы заговорить опаснаго свидѣтеля и выиграть время; люди женятся, а у насъ съ тобой глаза во лбу свѣтятся! Что же ты не ищешь себѣ невѣсты? Дѣвокъ у васъ много, да и все славныя, и самъ ты молодецъ! — Хотѣлъ было бачка оженить, чтобъ жена берегла да приглядывала, да я не хочу, сказалъ Ванька. — А для чего же ты не хочешь? Вѣдь и бачка твой былъ женатъ, чай, аль нѣтъ? спросилъ трубачъ. — Да вѣдь бачка–то женился на

мачкѣ, отвѣчалъ Ванька, а за меня отдаютъ чужую! — Трубачъ разсмѣялся на дурака, на Ваньку, да и хотѣлъ было ѣхать, но тотъ не промахъ. Погоди, говоритъ, рѣжь, да ѣшь, ломай, да и намъ давай! Отдай–ка мнѣ полваленца, а не то, скажу. — Не сказывай, отвѣчалъ трубачъ, я за это научу тебя своему ремеслу, пойдемъ вмѣстѣ. Первая вещь, берегись пуще всего, чтобъ не проходило краснаго утра безъ починy, а то весь день пропадетъ даромъ. За большимъ не гоняйся, Ванька, хозяйскую печь подъ полою не унесешь, а ты достань изъ нее лепешку, такъ и того съ тебя будетъ — нынѣ рыба дорога, хлѣбай уху, а малая рыбка и подавно лучше большаго таракана. Вотъ, вѣдь и мы тоже всѣ съ крохи на кроху мелкотою перебиваемся, да благодаря Бога сыты; если жъ станешь за крупнымъ добромъ гоняться, такъ кнутофея амальгамовича не минуешь. Послѣ таковыхъ добрыхъ наставленій и поученій, развязался трубачъ съ Ванькою, и присталъ снова къ товарищамъ. — Насилу сбылъ шелудиваго, подумалъ онъ про себя,

подѣлюсь я съ нимъ сайкою, держи карманъ! Много васъ вислоухихъ ходитъ! Молодъ больно; Господь мнѣ послалъ, такъ я и съѣмъ, а ты губы свои оближешь, коли не прогнѣваешься! Самъ хвать за пазуху — анъ валенца и нѣтъ! Ай да Ванька! Вотъ ухорѣзъ! У вора кореннаго изъ–за пазухи сайку унесъ, съ нимъ же рядомъ идучи, ее нежевавши съѣлъ, да и пошелъ запить къ кваснику, что вышелъ конницу на пѣгихъ коняхъ встрѣчать. — Ну, счастье твое, дуйте горой, сказалъ трубачъ, что я тебя не поймалъ, я бы сдѣлалъ изъ тебя мутовку, не то заставилъ бы носомъ хрѣнъ копать! — Что за счастье, проворчалъ Ванька, счастьемъ на скрипкѣ не заиграешь, а всякое дѣло мастера боится.

— На копѣйку что ли? спросилъ квасникъ, выхвативъ стаканъ изъ–за пазухи. Пить, такъ пить, отвѣчалъ Ванька, подумавъ не много, наливай на грошъ! Квасникъ налилъ, Ванька выпилъ, стянулъ у него пятакъ, отдалъ за квасъ, да еще три копѣйки сдачи взялъ!

Гни сказку готовую, что дугу черемховую! Смотри, Демьянъ, не нажить бы бѣды, тройка наша храпитъ, того гляди понесетъ! — Понесетъ? спросилъ Демьянъ, а плеть на что? — Да развѣ ты плетью держать станешь? — Острастку задамъ плетью, такъ и возжей слушать станутъ. — Эй, Демьянъ, кобыла подъ гору побьетъ. — Нѣтъ, развѣ я ее побью, такъ это скорѣй станется, отвѣчалъ опять сватъ; а самъ стегнетъ вправо, стегнетъ влѣво — рысакъ пошелъ черезъ пни, черезъ кочки, только держись супонь да мочки! Пристяжныя въ кольцо свиваются, изъ постромокъ порываются, глаза, словно у звѣря, наливаются. Уснули, вздремнули, губы надули, я разбужу, подниму на ходули! Валяй, не страшно, будетъ набрашно — ой ударю! Гни сказку готовую, что дугу черемховую!

Такими и иными, той же масти, проказами ремесла или художества своего прославился Ванька нашъ до того, что дѣды наши сложили про него сказку: *о ворѣ и бурой коровѣ*. Сказка эта вырѣзана въ

лицахъ, на лубкѣ, не то на деревѣ, расписана *широкою кистью* мѣдянкой, вохрой и киноварью либо сурикомъ; она продается въ матушкѣ Москвѣ бѣлокаменной на Никольской улицѣ въ книжной лавкѣ Василья Васильевича Логинова, и начинается стихами: Злоумышленный воръ нѣкій былъ, во многіе грады для кражи ходилъ, и уже шельмованъ былъ неоднократно, и то ему было невнятно! Въ этой–то сказкѣ въ лицахъ, о ворѣ и бурой коровѣ, нашъ Ванька играетъ лице не бурой коровы, а вора. Многіе, такъ продолжаетъ сказочникъ, ремесло его знали и ничего у него не покупали; Ванька объ этомъ не плакалъ, не тужилъ, а чистыя денежки удилъ да ловилъ. Но онъ таки не спускалъ, гдѣ трафилось, и товаромъ, у него дня не проходило даромъ. Случилось ему однажды черезъ деревню итти и къ крестьянину по пути ночевать зайти. У мужика была бурая корова, не дойная, такъ тельная, статна и здорова. Корова моя, подумалъ Ванька, все дѣло въ томъ, чтобы ее увести, да себѣ

хлопотъ не навести. Утро вечера мудренѣе, а у Ваньки на починѣ и пальцы подлиннѣе. Легъ онъ, задремалъ, на зарѣ всталъ, корову со двора согналъ, и подъ дорогой въ орѣшникѣ привязалъ; а самъ на разсвѣтѣ воротился, будто за добрымъ чѣмъ проходился, и легъ, гдѣ лежалъ, словно ни въ чемъ не бывалъ. Поутру хозяинъ его разбудилъ, да тюри ему накрошилъ; Ванька за хлѣбъ, за соль его благодарилъ, а хозяинъ, собираясь въ городъ, его спросилъ: А куда тебѣ, сватъ, итти? пойдемъ вмѣстѣ коли по пути! Ванька сказалъ, что идетъ въ ближайшій градъ, а крестьянинъ тому и радъ; надломили хлѣба, Богу помолились, и вмѣстѣ въ путь–дорогу пустились. А Ванькѣ не хочется покинуть коровы, ну какъ пойти и прійти безъ обновы? У него, про случай давнымъ давно съ три короба затѣй припасено. Говоритъ мужику: ты, сватъ меня здѣсь маленько обожди, не то я и нагоню, пожалуй себѣ иди, а я, по дорогѣ у человѣка побываю, не засижусь, не бось, только должка попрошаю — давно, признаться онъ мнѣ

продолжился, хоть и скоро отдать разъ десять побожился; хоть ужъ и не деньгами съ него взять, а чѣмъ нибудь, только бы захотѣлъ отдать. Правду же, сватъ, люди говорятъ: не дать въ долгъ остуда на время, — а дать ссора на вѣки! А мужикъ придакнулъ; говоритъ: иди, да скорѣй назадъ приходи; а я сниму лапоть съ ноги, да погляжу, не то соломкой переложу — не намять бы ноги, бѣда бѣдой какъ прійдешь въ уѣздный городъ хромой!

Ванька пошелъ, корову отвязалъ, и ведетъ какъ свое добро, будто за долгъ ее взялъ. Мужичекъ нашъ на нее глядѣлъ, глядѣлъ, и таки наконецъ не утерпѣлъ; говоритъ: ну, воля твоя, а это, волосъ въ волосъ, бурёнушка моя! А Ванька плутъ ему отвѣчаетъ: неужъ–то похожа? бываетъ, сватъ, бываетъ; чай твоя кости, мясо да кожа, да и моя то же; напрасно сходство тебя въ сомнѣніе вводитъ; ты знаешь, и человѣкъ въ человѣка приходитъ; корову эту я у мужика за долгъ взялъ — и то насилу его засталъ; ходишь, ходишь, посталы обобьешь, да съ тѣмъ же опять и

отойдешь! Ой, сватъ, послушайся ты моего слова простова, а стоитъ онъ, ей, ей, дорогова: не дать въ долгъ — остуда на время, дать въ долгъ — ссора на вѣки! — Что клеишь, говоришь, и красно ты баешь, да коровы твоей отъ моей не распознаешь! А станешь ее дома держать, аль, можетъ, поведешь куда продавать? — Ванька, увидѣвъ, что мужикъ крѣпко чего–то добивался, да и струсивъ, чтобъ въ городѣ кто не придрался, и вспомнивъ, что его тамъ всякій уже зналъ и потому ничего у него не покупалъ, сказалъ: хотѣлъ бы продать, теперь денегъ мнѣ нужно, время тяжелое — да только крѣпко недосужно; кабы ты, землячекъ, ее по рынку поводилъ, я бы тебя послѣ благодарилъ, поставилъ бы тебѣ вина полкварты, назвалъ бы братомъ, да объигралъ бы въ карты! Мужикъ говоритъ: пожалуй, я продамъ, а выручку, не бось, сполна отдамъ. Ванька отдѣлаться по добру радъ, думаетъ: Господь съ тобой, возми корову свою назадъ; а я, встану, благословясь, пораньше, да шагну куда нибудь по дальше, такъ тутъ–ли, тамъ–ли,

на поживу набреду, гдѣ нибудь не только корову, и бычка уведу! глядитъ — а крестьянинъ ужъ воротился, за свое добро, да ему же поклонился; продалъ самъ свою бурую корову, а денежки принесъ Ванькѣ на обнову. Ванька ему полкварты поставилъ, а себѣ сапоги да три рубахи справилъ. — Мужичекъ нашъ пьетъ, попиваетъ, а что коровушка его іокнула*), того и не знаетъ! Наконецъ онъ домой на село приходитъ, на дворъ поспѣшаетъ, а хозяйка съ дѣтками его встрѣчаетъ, говоритъ: охъ, у насъ дома крѣпко не здорово, пропала со двора наша бурая корова! а дѣтки ревутъ въ два кулака, кричатъ: тятя, хотимъ хлѣбать молока! тогда мужикъ нашъ заикнулся, запнулся, слова вымолвить не очнулся; самъ шапку съ головы снимаетъ, изъ головы хмѣль вытряхаетъ, умомъ раскидываетъ, гадаетъ — охъ, дѣтки, дѣтки, и я съ вами пропалъ! я своей бурёнушки и самъ не узналъ! была въ рукахъ, да межъ пальцовъ проскочила — бѣда бѣдовая по комъ не

*) Іокъ, по Татарски: нѣтъ.

ходила! ахъ, куда мнѣ дѣтушки васъ дѣвать, у кого теперь станемъ молоко хлѣбать! А жена ему стала говорить: какъ не плакать, не тужить, а гореваньемъ другой коровы не нажить, а тебя, стараго дурня, вмѣсто коровы не подоить!

Стой же, сватъ, стой, заморимъ мы свою тройку; ѣдемъ мы съ тобой не сблизка, а сдалеку, сказка кончена, вино кизильное подлѣ боку, — станемъ да переведемъ духъ, выпьемъ съ тобой, рука на руку, самъ другъ!